

Марина Ветрова

Развод с предателем.

Ты забыл, кто написал
ТВОЙ МИЛЛИАРД!

Марина Ветрова

**Развод с предателем. Ты забыл,
кто написал твой миллиард!**

«Автор»

2026

Ветрова М.

Развод с предателем. Ты забыл, кто написал твой миллиард! /
М. Ветрова — «Автор», 2026

Три года я создавала систему, которая принесла мужу миллиарды. А он решил избавиться от меня одним нажатием кнопки. Прямо перед инвесторами Марк обвинил меня в краже собственного кода!— Ты больше никто, Алиса. Компания моя! Меня уволили, заблокировали счета, объявили преступницей. А женщина, которую я считала обычной коллегой мужа, уже делила с ним мои деньги. Но Марк совершил роковую ошибку: он забыл, кто написал его программу. Теперь вместе с загадочным аудитором Ильёй я восстанавливаю удалённые доказательства и разрушу идеальную ложь предателей. Только готов ли мой муж потерять всё, когда узнает, кому теперь принадлежит его империя?

© Ветрова М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	11
Глава 4	14
Глава 5	17
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Марина Ветрова

Развод с предателем. Ты забыл, кто написал твой миллиард!

Глава 1

Кофе в углу зала пах так сильно, что хотелось повернуться и найти глазами автомат. Вместо этого я проверила кабель под пультом. Разъём сидел плотно, ноутбук был ещё прохладным. За этой крышкой помещались три года моей работы, и сейчас я собиралась показать её двум сотням людей, способных оплатить следующие три.

NeuroLink выводил живые данные на большой экран. Выручка шла вверх; точность прогнозов держалась на девяноста восьми процентах. Пока Марк говорил, я смотрела на последнюю точку графика: всё-таки пришёл пакет, который мы ждали с утра. Слава богу. Его отсутствие заметили бы и без технического образования.

Чёрная полоса перечеркнула EBITDA. Цифры обнулились. В первом ряду мужчина с бейджем «G-Partners» опустил взгляд в блокнот и перевернул лист — уже собирался записывать, почему нам не стоит давать денег. Я услышала бумагу даже отсюда.

Я смотрела на терминал. Ошибка знакомая, команда тоже; только зал здесь был лишним. — Минуту.

Не посмотрела, кто слушает. Остановила зависший процесс: `sudo killall -9 neuro_link_daemon`. Перезапустила сервис: `systemctl restart backend_service`. Четыре секунды. Пять. На шестой появились зелёные строки. Я удержала пальцы над клавиатурой, пока не увидела первую порцию данных. Теперь можно было повернуться к залу.

Данные вернулись, и мужчина в сером костюме перестал писать. Захлопал вместе с остальными. Я улыбнулась ему прежде, чем успела подумать: ещё минуту назад хотелось выдернуть его ручку. Шесть секунд на перезапуск. Я могла бы объяснить, почему понадобилось шесть, но залу вполне хватило работающего экрана.

Марк вышел, поправляя край пиджака. Положил руку мне на плечо и чуть потеснил от пульта. Его манжет задел мой воротник; я шагнула назад, чтобы не оказаться зажатой между ним и ноутбуком.

— Как видите, Алиса обеспечила нам технический фундамент, — сказал он. — Но NeuroLink — это не только код. Это видение. Это история о том, как мы меняем мир.

Слово «Алиса» он произнёс ласково, почти по-домашнему. Следующую фразу уже адресовал мужчинам в первом ряду.

Марк заговорил, и головы повернулись к нему. Я сделала шаг назад, под горячий луч проектора. Теперь на фотографиях получится привычная картинка: он объясняет, я улыбаюсь рядом. Три года таких картинок. А когда ночью приходило сообщение «всё упало», в комнате светился мой ноутбук. Сейчас мне хотелось взять микрофон и произнести это вслух. Я поправила улыбку.

В третьем ряду поднял руку скептик. Виктор Стрельцов — тот, который мог сорвать раунд одним взглядом.

— Красивая демонстрация, Марк. Но давайте будем честны. Ваша система собирает биометрию миллионов людей. Где гарантия, что ваш СТО, ваша жена, не сольёт эти базы конкурентам? Интеллектуальная собственность — хрупкая вещь. Особенно когда бизнес построен на семейных отношениях.

Виктор смотрел на меня, пока ждал ответа. Я разжала зубы: расскажу про шифрование, разделение доступа, свой модуль защиты. Одним предложением. Ему важно услышать, что у меня тоже нет волшебной кнопки для выгрузки миллионов записей. Я потянулась к микрофону, но Марк заговорил раньше.

Марк выпрямился перед Виктором.

— Система непробиваема. Абсолютно. Мы проверили каждую строку кода лично. Вместе.

На слове «вместе» он посмотрел на меня, ожидая кивка. Я знала, какие строки он читал лично: те, которые выводили деньги и рост на слайд. Но кивнула. Сейчас спорить с мужем перед фондом казалось хуже, чем промолчать. Через минуту я пожалею об этом.

Тогда микрофон захрипел. Резкий визг обратной связи ударил по барабанным перепонкам, заставив инвесторов поморщиться. Проектор мигнул, логотип NeuroLink размылся, превратившись в пятно света, а затем завис на черном экране.

Паника. Настоящая, животная паника. Сделка на миллиард рублей висела на волоске. Техник из зала, бледный парень в синей футболке, начал нервно тыкать в свой планшет, пытаясь перезагрузить систему.

— Дайте мне доступ, — бросила я Марку, машинально потянувшись к ноутбуку. Мне нужно было войти в командную строку. Форсировать выход из зависания. Спасать ситуацию.

Рука Марка метнулась, блокируя мой жест. Он схватил меня за запястье. Его пальцы были ледяными, как сталь кандалов.

— Стой, — прошипел он одними губами, так, чтобы слышала только я. Его взгляд был пустым. Мертвым.

Я вырвалась. Не потому что хотела спорить, а потому что инстинкт инженера сильнее страха. Я открыла терминал, мои пальцы полетели по клавишам, набирая команду принудительного сброса буфера вывода. Я действовала как СТО. Я спасала бизнес.

Экран ожил.

Но вместо графиков выручки и прогнозов роста на нем появилась папка. Белая иконка на черном фоне. Название читалось четко, крупным шрифтом: «Развод_Алисы_Доказательства».

В зале заговорили сразу несколько человек. Я не разбирала слов, только смотрела на имя папки. Клавиатура оставалась под пальцами.

Enter. Я нажала? Нет — палец лежал на соседней клавише. Папка открылась сама. Мой скрипт, полугодовой тест бэкенда. Я узнала порядок запуска и не узнала то, что он показывал. В норме он включался после внешнего вторжения. Сейчас включился перед инвесторами.

На экране полились файлы.

Скриншот переписки с юристом о разделе активов компании.

Логи удаленных баз данных клиентов.

Фото документов о передаче исходного кода конкурентам.

— Боже мой, — голос Марка прорезал шум зала. Он не выглядел шокированным. Он выглядел... исполненным долга. Гримаса боли и предательства на его лице была мастерской работой актера.

— Ты... ты украла нашу общую работу? — он сделал шаг ко мне, его голос дрожал от наигранного гнева. — Ты собралась сливать её конкурентам? Прямо здесь? Перед людьми, которые тебе доверяли?

Я попыталась открыть рот. Голос сорвался на хрип.

— Это... ошибка. Это баг. Я не...

Но слова казались детским лепетом. На экране высветился новый файл: запись экрана, где «Алиса» скачивает архив с ключами доступа. Подпись времени: сегодня, десять минут назад. Когда я была на сцене. Когда я перезапускала сервис при двух сотнях свидетелей.

Мужчина в сером костюме закрыл блокнот. Виктор отвернулся от меня к Марку. Я ждала, что он попросит проверить время на записи, но он уже говорил с мужем. Та, кому только что аплодировали, стояла у пульта; разговаривать обо мне предпочли с другим человеком.

Двери зала распахнулись. Четверо охранников в черных куртках вошли внутрь, сканируя пространство взглядами. Их движения были синхронными, профессиональными. Они не шли ко мне. Они шли к Марку, получая приказ. Но один из них, массивный блондин, направился прямо ко мне.

— Сдайте корпоративные устройства, пожалуйста. Полиция уже в пути, — сказал он сухо.

Марк подошел ко мне вплотную. Так близко, что я чувствовала запах его парфюма — «Ночной огонь». Запах, который раньше казался мне романтичным, теперь вызывал тошноту. Он обнял меня одной рукой, словно поддерживая упавшую женщину, но его шепот, адресованный только мне, был ледяным уколом ядовитого дротика.

— Ты сама выбрала этот путь, детка.

Я посмотрела на свои руки. На среднем пальце осталась вмятина от края ноутбука. Этими руками я годами писала код, потом разминала Марку затёкшую шею. Теперь охранник ждал, что я отдам ему и то и другое.

Охранник протянул руку к моему ноутбуку. Я не сопротивлялась. Сопротивление было бы бессмысленно, если бы я верила в их версию событий. Но я не верила.

Внутри меня не было слез. Не было истерики. Была ярость. Холодная, кристаллизованная, чистая ярость. Она закаляла мой внутренний стержень, превращая страх в оружие.

Марк знал пароль резервной копии. Ему хватило бы изменить мой тестовый скрипт и привязать запуск к подключению. Вот зачем он удерживал мою руку. Я снова посмотрела на имя папки, на время в записи, на приготовленную охрану. У него всё совпадало. У меня — ничего, кроме понимания, что эта гадость подготовлена заранее.

Марк уже повернулся к растерянным инвесторам, раскинув руки в жесте беспомощности.

— Простите нас, коллеги. Видимо, личная трагедия затмила здравый смысл. Я буду вынужден инициировать служебное расследование и передать дело в правоохранительные органы. Безопасность наших клиентов превыше всего. Даже ценой разрушения собственной семьи.

Он обнимал одного из инвесторов, извиняясь за «эмоциональную нестабильность» своей жены. Повернувшись ко мне, он на секунду перестал изображать скорбь. Улыбнулся — и тут же снова опустил уголки рта.

Охранник забрал корпоративный планшет вслед за ноутбуком. Личный телефон я успела сунуть в карман; он требовал оборудование компании и спорить о телефоне пока не стал. Меня повели к выходу. Проход между рядами стульев показался бесконечным коридором. Каждый взгляд, каждый шепот, каждая фотография телефона, сделанная на память, резала кожу.

По проходу я шла медленнее, чем хотелось. Если ускорюсь — решат, что бегу. Перед дверью обернулась: Марк уже пожимал руку новому партнёру, тот кивал. Меня ещё не вывели из зала, а они успели вернуться к деньгам. Я запомнила лицо человека, который кивал.

Я думала, что он прячет от меня цену продажи компании. Оказалось, в сделку включили и меня: убрать жену, убрать автора кода, оставить красивого несчастного директора. И это называлось семейной трагедией.

Двери лифта сомкнулись. Я отвернулась от охранника и выдохнула в угол кабины, чтобы он не видел, как у меня дрожат губы. Плакать хотелось. Но ещё сильнее тянуло узнать, что именно Марк изменил в моём скрипте.

Глава 2

Пока лифт спускался, я всё ещё слышала зал. Перед глазами стояли последние минуты перед тем, как меня вывели: гул не стихал, он нарастал, превращаясь в белый шум, от которого звенело в ушах. На огромном экране всё ещё висела папка «Развод Алисы». Скрины удалённых баз данных, переписка с юристом о разделе активов — это была моя жизнь, упакованная в PDF и выставленная на витрину перед двумя сотнями инвесторов.

— Это монтаж! — мой голос сорвался на визг, чужой и противный. Я рванулась к трибуне, где торчал HDMI-кабель, идущий к проектору. Если я выдерну его сейчас, они увидят только синий экран. Только пустоту.

Охранники взяли меня за локти. Я зацепилась ногтями за рукав одного из них; пиджак потянулся, мужчина даже не посмотрел. От него пахло дезодорантом. Он удерживал меня, пока другой заслонял кабель. До разъёма оставалось меньше метра.

— Отпустите! Это подделка логов! Вы даже не понимаете, что там написано! — кричала я, дёргаясь, как пойманная птица. Гул толпы стал громче. Кто-то смеялся. Кто-то снимал на телефон.

Марк подошёл. Его шаги были мягкими, почти бесшумными. Он взял микрофон, и зал мгновенно затих.

— Тише, детка, тише, — сказал он в микрофон так, чтобы слышал каждый ряд. Но когда он наклонился ко мне, его губы прикоснулись к моему уху. Шёпот был ледяным: — Замолчи. Или я добавлю туда твои медицинские карты. Психбольница тебе подойдёт?

Я попыталась вывернуться, ударить его по лицу, но он обнял меня одной рукой. Жест для камер выглядел как отеческая забота, как попытка успокоить истеричку. В другой руке он держал свой телефон. Я видела, как он протянул его ближайшему инвестору из первого ряда. Тот повернул экран к соседям. Доказательства. Моей вины.

— Ты украла нашу общую работу, — продолжил Марк, глядя прямо в глаза ведущему, который уже начал бледнеть. — И собралась сливать её конкурентам. Я пытался спасти брак до последнего, но...

— Дай мне слово! — взывала я, чувствуя, как слёзы жгут глаза, но не давая себе заплакать. Инженеры не плачут. Инженеры решают задачи. — Архитектура базы данных! Посмотрите на временные метки! Логи скомпилированы вручную! Там нет хеш-сумм! Это не может быть реальным экспортом!

Ведущий, мужчина с идеальной причёской и глазами рыбы, сделал шаг вперёд, загораживая мне путь к трибуне.

— Технические детали будут обсуждаться в закрытом режиме, — произнёс он скрипучим голосом. — Пожалуйста, покиньте сцену, госпожа... бывшая СТО.

Ведущий толкнул меня в спину. Легонько: для записи это выглядело бы приглашением пройти. Я ушла за кулисы, там софиты уже не били в глаза. Под ногами продавился старый ковролин. До этой минуты я представляла, как мы с Марком будем здесь принимать поздравления после сделки.

Теперь лифт остановился. Охранники проводили меня до этажа с офисом и оставили у дверей. Я оказалась в коридоре, который знала лучше, чем свою квартиру. Здесь пахло кофе и серверной прохладой. Моя территория. Или должна была быть.

Ноги сами понесли меня к кабинету №405. Личный ноутбук. Старый ThinkPad, с которого я не загружала личные архивы в облако компании, потому что считала облачные сервисы дырявыми корзинами. Там была вся правда. Черновики кода, скрипты проверки целостности, история коммитов, доказывающая, что я писала систему с нуля, а не копировала.

Дверь не открылась. Красный огонек электронного замка мигнул один раз, затем погас. Закрыто.

Я ударила по панели пальцем. Ещё раз. Бесполезно. Система блокировки активна.

За дверью послышалось шуршание пакетов. Кто-то упаковывал мои вещи.

— Открыть! — рявкнула я, стуча кулаками по дереву.

Дверь приоткрылась ровно настолько, чтобы показать лицо юриста Марка, Виктора. У него всегда было такое лицо, будто он только что съел лимон.

— Доступ к имуществу ограничен по решению совета директоров, принятому пять минут назад, — сказал он сухо. Не глядя мне в глаза, он рассматривал отключённый пропуск на моей шее. — Совет признал наличие признаков хищения интеллектуальной собственности. Доступ к помещениям и оборудованию прекращён.

— Это незаконно! У нас брачный контракт! У меня есть доля!

— Распоряжение долей оспаривается. Ключ-карта заблокирована. Прощайте, Алиса.

Дверь захлопнулась. Щелчок замка прозвучал как выстрел.

Я стояла в коридоре, тяжело дыша. Сердце колотилось где-то в горле. Нужно было звонить адвокату. Любой адвокат, любой друг, кто мог бы вызвать полицию прямо сюда, пока они не уничтожили следы.

Я достала телефон. Экран светился холодным синим светом.

«Нет сети».

Я посмотрела на статус оператора. Вместо названия компании была надпись: «SIM-карта деактивирована».

— Что за...

Я перепроверила настройки. Воздушный режим выключен. Wi-Fi искал сеть, но не находил ни одной доступной точки доступа офиса. Корпоративная сеть была отрезана. SIM-карта была привязана к корпоративному тарифу. Марк мог удалить её из системы оператора одним кликом в личном кабинете администратора.

Я нажала на значок вызова ещё раз. Экран предложил экстренный номер. Адвокату так не позвонишь. Придётся выйти и искать сеть, и желательно успеть до того, как Виктор вынесет из кабинета мой ThinkPad.

Убрала телефон и выбрала служебный вход. В главном холле виднелись камеры; к ним я ещё не готова. За дверью оказался ливень. Рубашка сразу прилипла к спине. Я прижала воротник, бесполезно: вода уже текла между лопатками. Домой. Нужно хоть снять это мокрое.

Такси. Мне нужно такси.

Первый подъехавший автомобиль остановился. Я открыла заднюю дверь, скользнула внутрь, оставив на сиденье мокрый след.

— Дом на Ленинском, — бросила я водителю, парню лет двадцати пяти с энергетиком в руке.

Он посмотрел на меня в зеркало заднего вида. Его взгляд зацепился за моё лицо, потом упал на телефон, который я автоматически схватила, хотя он не работал.

— Извините, мадам, — сказал он, запирая двери. Щелчок центрального замка прозвучал оглушительно.

— Что?

— Диспетчер прислал уведомление. Пассажирка находится в розыске. По подозрению в краже клиентской базы и промышленном шпионаже. Компания отказывается обслуживать такие заказы.

— Это абсурд! Меня выгнали из офиса десять минут назад!

— Ехать не буду. Выходите.

— Я заплачу двойную цену!

— Выходите, или я вызову полицию.

Водитель разблокировал двери. Я дважды потянула ручку, прежде чем она поддалась, и выбралась под дождь. Машина стартовала, обдав брюки грязью. Я осталась с открытым ртом: приготовилась сказать ему что-то напоследок, но он уже уехал.

Я шла пешком. До ближайшей станции было около километра. Ноги гудели, каблуки вязли в лужах. Люди спешили, зонты раскрывались и складывались, создавая хаотичный ритм вокруг меня. Никто не смотрел. Или все смотрели, делая вид, что не смотрят.

В метро было людно. Влажный воздух, запах резины и человеческой усталости. Я спустилась вниз, надеясь, что здесь можно будет подключиться к городскому Wi-Fi и написать хоть кому-то.

На платформе я прижалась спиной к холодной плитке стены. Толпа текла мимо, как река. Я подняла глаза на табло над головой, где обычно бежала реклама банков. Сейчас там мелькали новостные тикеры.

«СТО стартапа обвинена в промышленном шпионаже».

«Скандал в IT-секторе: измена и кража кода».

«Марк Х.: „Я пытался спасти семью“».

Я перевела взгляд на пассажира напротив. Он листал ленту новостей на своём телефоне. Экран был направлен чуть в мою сторону. Я увидела фото. Моё. С презентации. Растрёпанная, с красными глазами, указывающая пальцем в камеру. Подпись: «Предательница Алиса. Переписки с любовником опубликованы».

Фотографию выбрали хорошо. Я и сама, увидев чужую женщину с таким лицом, подумала бы: сорвалась. А они подписали, почему. Ни одному пассажиру не приходилось гадать — им дали готовый ответ вместе с моим снимком.

А что с моими профилями? Я снова открыла настройки сети: ни одного соединения. Проверить, смогу ли я ответить этой толпе, было негде. За час до этого они ничего не знали. Теперь весь интернет знал.

Я посмотрела на свои отражения в темном стекле вагона, который медленно подползал к платформе. Лицо было бледным, размазанным от дождя и туши. Глаза горели лихорадочным огнём.

Я поднесла телефон ближе к стеклу, будто там мог появиться сигнал. В отражении двигался вагон, за моей спиной люди читали новости. Всё случилось слишком быстро. Для случайного скандала уже было слишком много хороших снимков и одинаковых подписей.

Вчера Марк ещё спрашивал, готова ли я к презентации. Ни слова о юристах, ни слова об утечке. Он давал мне репетировать выступление перед ним, зная, что на том же экране покажут совсем другое.

Обычно я просила Веру прислать текст новости до публикации. Правила формулировки, чтобы не обещали клиентам невозможного. Сегодня новостью была я. Согласовывать со мной никто не собирался. Компания могла менять владельца, Марк — рассказывать о своём несчастье, а мне оставалось стоять в метро и разглядывать чужой экран.

Вагон остановился. Двери открылись. Люди повалили внутрь, толкая меня плечами.

Я шагнула внутрь. Внутри было тепло, пахло чужими куртками. Я прижалась к стене, закрывая глаза.

Я прижала телефон к бедру. Дома разберу, что осталось в шкафу с документами. Хотя бы один журнал доступа. Хотя бы письмо о том, что я предупреждала про эту уязвимость. Нужна бумага, которую нельзя отключить вместе с SIM-картой.

Глава 3

На следующий день я вернулась на заседание совета и влетела в переговорную «Олимп», сбив дыхание и остатки самоуважения. Воздух здесь был стерильным, пах новым пластиком и холодным кофе — запахом смерти для стартапа на миллиард. Я схватила со стола микрофон, прижимая к груди папку, которую забрала из домашнего шкафа. Там должны были остаться распечатки логов; других доступных копий у меня теперь не было.

— Дайте мне слово! Я покажу, что код не покидал внутренний контур! — мой голос дрогнул, но я заставила себя выпрямить спину.

Секретарь, плотный мужчина с лицом каменного изваяния, шагнул навстречу. Его ладонь легла мне на плечо — тяжело, уверенно, блокируя путь дальше.

— Приказ CEO, — буркнул он.

Марк сидел спиной ко мне, поправляя узел галстука перед зеркалом. Он даже не обернулся. Для него я была просто шумовым фоном, помехой на пути к триумфу. Меня не слушали. Меня просто вырезали из системы принятия решений, как вирус.

Вера стояла у стены. Я сначала узнала духи, потом увидела её саму — будто сладкий запах опережал её на два шага.

— Алиса, — шепнула она. — У Марка есть свидетель. Охранник видел тебя в три часа ночи. С флешкой.

Я рассмеялась так резко, что она перестала улыбаться.

— В три часа я спала, Вера. Одна. В своей кровати.

Она опустила глаза. Значит, дальше будут спрашивать, кто может это подтвердить. Прекрасно.

Председатель совета, старый друг отца Марка, жестом позвал меня внутрь. Но не чтобы слушать. Чтобы судить.

— Признай ошибку добровольно, Алиса, или мы подадим иск на пятьдесят миллионов, — его голос был ровным, без эмоций. Бизнес-процесс.

Я бросила на стол папку с метаданными файлов. Раскрыла её. Внутри лежали документы, подписанные мной и IT-директором.

— Вот доказательство утечки через VPN, а не локального скачивания, — произнесла я.

Старик поднял один лист. Посмотрел на подпись. Нахмурился. Перевернул документ. На обороте оказалась страница с водяными знаками, без данных. Я перевернула следующий лист: то же самое. В папке, которой я не касалась с последней рабочей встречи, вместо логов лежали шаблоны. Марк имел к ней доступ. Первый удар по моему профессионализму был нанесён точно. Я стояла посреди комнаты, держа в руках бесполезную папку, чувствуя, как внутри всё холодеет от осознания собственной наивности.

Марк повернулся ко мне, а говорил в зал.

— Я любил эту женщину. Я верил ей. А она продала нашу общую мечту ради забав. Ради денег.

На экране появилось фото из кафе. Илья и я, две чашки между нами.

— Любовник-мошенник, — пояснил Марк.

— Это аудитор! Он проверял безопасность!

Я шагнула к столу. Микрофон в руке уже не работал; техник смотрел в сторону. Придётся говорить без него. В зале ждали, когда я замолчу, чтобы Марк мог продолжить объяснять, как сильно меня любил.

Мужчина из фонда поднял руку.

— Почему нам верить вам? Вы потеряете компанию. Марк привёл её к миллиарду. А теперь эти слухи о продаже данных...

— Без моего кода вы потеряете большую часть вложений в этот проект!

Я говорила громче, чтобы слышали и без микрофона. Но они уже хлопали Марку: он обещал сохранить компанию, убрав «токсичные элементы». Я оглядела стол. Никто даже не попросил меня договорить.

Передо мной положили соглашение. Уход, молчание, признание вины — и деньги. Я взяла ручку и прочла ещё раз строку про признание. Марк ждал. Тогда я положила ручку рядом с его бумагой и разорвала лист. Ещё раз, поперёк.

— Я буду бороться.

Кусочек с суммой выплаты упал возле его чашки. Я успела прочитать цифры, прежде чем он смахнул его на пол. Денег по соглашению не будет. Завтра пожалею — когда не смогу оплатить адвоката. Но купить защиту, подписав, что сама украла свой код? Пусть сначала попробуют доказать без моей подписи.

Когда остальные вышли, Марк подошёл и положил руку мне на плечо. Я посмотрела на камеру в углу. Ещё работала.

— Ты слишком умная для этой игры, Алиса, — сказал он почти беззвучно. — Я дал шанс уйти тихо. Теперь буду ломать тебя публично.

Я сбросила его ладонь. Он посмотрел на рукав, разгладил манжету и проверил запонку. Порванное соглашение раздражало его больше, чем мой отказ признать вину. Я запомнила этот жест: на записи он, наверное, опять получится заботливым.

Я вышла из переговорной. В коридоре телефон поймал гостевой Wi-Fi; в мессенджере появился вызов от незнакомого аккаунта.

— Я видел логи утечки, — сухой, циничный голос на другом конце провода пробил меня насквозь. — Ты не сливала базу. Ты была мишенью. У нас есть 48 часов, пока они не закрыли архивы серверов. Я заберу тебя у парковки. Не задерживайся.

Когда вызов оборвался, я задержалась у дверей переговорной. Тишина после заседания была не пустой. Она была густой, вязкой, как застывшая смола. Оставшиеся инвесторы и коллеги смотрели на меня так, будто я только что плюнула им в лицо и объявила войну всему человечеству. На огромном экране за моей спиной всё ещё светились строки переписки с юристом, которые Марк выдал за «признания в промышленном шпионаже».

Я сделала шаг к выходу. Ноги слушались плохо, каблук хрустели по ламинату слишком громко для этого онемевшего зала. Путь мне преградили двое охранников. Они были огромными, в черных костюмах, сидевших на них, как на вешалках. Их лица оставались непроницаемыми масками профессионального равнодушия.

— Бейдж, — потребовал один из них, выставив ладонь. Голос был низким, без интонаций.

— Я СТО компании! Это ошибка! — мой голос сорвался на визг, чужой и противный. Я попыталась оттолкнуть его руку, но пальцы дрожали так сильно, что движение вышло жалким. Охранники переглянулись. В этом взгляде читалось презрение. Они видели не инженера, а истеричку, потерявшую контроль над собой.

— Предъявите бейдж, — повторил второй, уже жестче.

Я схватила свой пропуск, висевший на шее, и прижала его к сканеру на турникете у выхода. Красная лампа мигнула раз, другой. Отказ. Система заблокирована. Марк сделал это ещё вчера. Пока он изображал скорбь перед советом, красная лампа напоминала: в системе меня уже нет.

Я попробовала боковую дверь. Замок не отпустил створку; ладонь соскользнула с ручки. За матовым стеклом уже собирались люди. Я узнала одного сотрудника по оранжевому шнурку бейджа. Он тоже узнал меня. Я приготовилась отступить.

— Вот она! Та самая предательница!

Крик пробил стекло. Толпа притиснулась ближе. Вспышки телефонов ударили по сетчатке, слепя ярче софитов сцены. Меня снимали. Со всех ракурсов. Мои глаза, мои дрожащие губы, моя растерянность — всё это станет контентом. Новостями дня. Мемом о том, как «женщина-хакер» слила базу данных.

Я развернулась, чувствуя, как спина покрывается холодным потом. В углу стоял Сергей. Мой друг. Финансовый директор, который пил со мной кофе каждое утро последние пять лет. Он смотрел в пол, изучая ворс ковролина.

— Серёж, — я схватила его за рукав дорогого пиджака. Ткань пахла табаком и дорогим парфюмом. Запахом нормальности, которого больше не существовало. — Скажи им. Скажи, что это подстава. Что код...

Сергей вырвал руку с такой силой, что я едва не упала. Его лицо исказилось гримасой страха, смешанной с отвращением.

— Не трогай меня, Алиса, — прошипел он одними губами, боясь поднять голову. — Ты всё разрушила. Иди домой.

Он растворился в толпе, исчезнув за спинами других сотрудников. Лояльность куплена или продана. Для него я уже была мертвой.

В этот момент рядом вырос Марк. Он не выглядел победителем. На его лице была написана глубокая, почти театральная скорбь. Он мягко положил руку мне на плечо. Его пальцы давили с точностью хирурга, блокируя любые резкие движения.

— Ты в шоке, родная, — сказал он достаточно громко для микрофонов и камер. — Давай мы проводим тебя. Тебе нужно успокоиться.

А затем, наклонившись так близко, что я почувствовала запах его мятной жвачки, он прошептал прямо в ухо:

— Если ты сейчас заговоришь, я добавлю пункт о попытке нападения на свидетеля. Молчи. Иди домой. Или я вызову полицию ещё раз.

Марк всё ещё держал моё плечо. Я посмотрела на его пальцы, затем на ближайший телефон. Кадр уже готов: муж поддерживает жену. Если сейчас закричу, получат следующий кадр. Если заплачу — тоже. Хотелось попросить хоть кого-нибудь убрать камеру, но они как раз придвигались ближе.

Надо выйти. Не объяснять Сергею, не спорить с Марком. Выйти, пока руки ещё слушаются и я не сделала то, что Вера сможет разослать по всем каналам. Я почувствовала его большой палец у ключицы и поддела ладонь снизу.

Я резко скинула его руку и рванула вперед, сквозь плотную стену тел. Толпа расступилась, но не из уважения. Из отвращения. Люди отворачивались, убирая бейджи под лацканы, будто их могли записать в мои сообщники. Кто-то сплюнул на пол рядом с моими туфлями. Звук был тихим, но для меня он прозвучал как выстрел.

Я прошла мимо человека, который сплюнул. Кожу на щеке щипало, словно он попал и туда. Никто не касался меня, но я всё время проверяла расстояние до чужих плеч. Марк крикнул охране что-то о том, чтобы мне не дали «натворить дел». Я не остановилась.

Лифт. Двери открылись передо мной, как пасть зверя. Я влетела внутрь, нажимая кнопку первого этажа. Сердце колотилось где-то в горле, отдавая в висках пульсирующей болью.

Глава 4

Двери начали смыкаться, и в последний момент в кабину проскользнула Вера. PR-директор. Идеальная прическа, безупречный макияж, улыбка, которая не достигала глаз. Она поправила локон, будто ничего не произошло.

— Марк очень переживает за тебя, Алиса, — сказала она громко, четко артикулируя слова для микрофонов наблюдения, встроенных в потолок лифта. — Может, тебе нужна помощь? Ты выглядела... не в себе на презентации. Нервный срыв?

Вера говорила, глядя мимо меня, прямо на камеру. Я смотрела на её отражение в дверях: волнение только в голосе, лицо спокойное. На этой записи она будет замечательной коллегой.

Мои кулаки сжались до боли в костяшках. Хотелось ударить её. Разбить эту идеальную маску. Сломать ей нос. Но я понимала: это именно то, чего от неё ждут. Агрессия подтвердит их версию. Безумие. Опасность.

Вера посмотрела на меня. В её глазах мелькнуло что-то странное. Не злорадство. А... скука? Или расчет? Она знала что-то, чего не знал никто другой. Но сказать об этом не могла.

Двери лифта разъехались. Первый этаж.

Я выбежала на улицу. Ноябрьский ветер ударил в лицо, холодный и влажный. Я инстинктивно потянулась к карману куртки, чтобы достать телефон. Позвонить адвокату. Маме. Кому угодно. Хоть кому-то, кто скажет, что я не сумасшедшая.

Телефон лежал на месте. Экран светился, но сети опять не было.

Я сжала корпус. В коридоре хватило связи на один вызов — и всё. Теперь я не могла даже вызвать такси или проверить баланс карты. Домашний адрес я знала, конечно. Но вернуться туда, где Марк управлял каждым замком, было страшнее, чем стоять под дождём.

Я оглянулась на стеклянный фасад бизнес-центра. В отражении темного стекла, искаженного бликами уличных фонарей, я увидела себя. Женщина в тонких чулках, в деловом костюме, с распущенными волосами, трясущаяся от холода и страха.

Я задержалась перед отражением. Одна прядь прилипла к щеке. Попыталась убрать её, но пальцы так дрожали, что зацепила серьгу. Больно. Узнаваемое, маленькое ощущение — хоть оно принадлежало мне, а не той женщине из новостей.

Мой пропуск ещё висел на шее. Я сняла его и спрятала в карман: показывать всем название компании больше не хотелось. Внутри остался телефон без связи. Вот с этим и придётся начинать — двумя вещами, которые ещё вчера открывали мне любую дверь.

Холод проник под одежду, заставляя мышцы сводить судорогой. Я стояла посреди мокрого асфальта, окруженная шумом города, который казался бесконечно далеким. Свет фар, лучи прожекторов, сигналы машин — всё это размывалось в серую кашу.

Из темноты парковки, где обычно стояли служебные машины, медленно выехал черный седан. У него не было номеров. Стекло опустилось с плавным, механическим гулом.

Внутри сидел мужчина. Ему было около сорока. Лицо угловатое, загорелое, с глубокими тенями под глазами. В руках он держал папку документов, которую вертел между пальцами, как игрушку. Его глаза были холодными, аналитическими. Он смотрел на меня не как на женщину, не как на жертву. Он смотрел на меня как на переменную в уравнении.

Он смотрел, пока я пыталась отделить волосы от губ. Мог бы хотя бы отложить папку и открыть дверь изнутри. Но сидел и ждал моего решения.

— Садись, — сказал он. Голос был ровным, без эмоций. — У нас есть дело.

Пауза. Ветер трепал волосы, залепляя лицо. Я чувствовала, как дрожат колени. Страх перед неизвестным был сильнее страха перед известным врагом. Но выбор был прост: остаться здесь и быть раздавленной системой, или сесть в машину человека, который видел логи утечки. Который говорил, что знает правду в цифрах.

Илья. Аудитор, с которым я встречалась в кафе до презентации. Теперь он приехал за мной. После угроз Марка я узнавала его с трудом: то же лицо, совсем другая цена разговора.

Я подошла к машине и взялась за дверную ручку. Металл был мокрый, пальцы скользнули. Илья продолжал ждать. Он ничего не обещал, и всё же я открыла дверь: этот человек хотя бы назвал логи, а не моё душевное состояние.

Сначала сяду и выслушаю. Соглашаться на его условия пока не обязана.

Сержант прошёл в гостиную в грязных ботинках. Я смотрела на его следы: один остался у стола, за которым мы с Марком ели, другой — возле кресла, где я засыпала с ноутбуком. Потом заметила третий и перестала считать. Он уже направлялся в спальню, даже не спросив, куда идти.

— Пустите, — сказал он, не глядя на меня. Его голос был сухим, канцелярским. — Ордер есть. У вас нет адвоката, значит, мы работаем по протоколу.

Я осталась у порога спальни. Там был сейф с ноутбуком, его я, конечно, ожидала потерять. Но в тумбочке лежала тетрадь. На бумаге я писала то, что ни за что не поместила бы на рабочий диск: про приступы, сны, страх остаться одной. Лучше бы успела убрать её раньше.

— Я прошу подождать полчаса, пока приедет юрист Ильи, — попыталась возразить я, стараясь, чтобы голос не дрогнул.

Илья. Имя всплыло в голове само собой, хотя до вчерашнего разговора в машине я знала его лишь по встрече в кофейне. Незнакомец, который предложил мне сделку: мои данные за его доказательства. Но сейчас он был далек, как другая планета.

Сержант вздохнул, демонстрируя скуку. Он обошёл меня, толкнув плечом так, что я чуть не упала, и нырнул в спальню. Я слышала, как скрипят дверцы шкафа, как шуршат бумаги. Потом — лязг дверцы сейфа.

— Нашёл, — крикнул он оттуда. — И вот это тоже. Что за шифровки?

Он вышел, держа в руке мою тетрадь в мягкой обложке. На корешке была надпись маркером: «Тревожность». Мои панические атаки. Мои сны о падении. Мои признания в том, что я боюсь одиночества больше, чем смерти.

— Это личный дневник, — сказала я, делая шаг навстречу.

— В рамках дела о промышленном шпионаже любая переписка считается носителем информации, — отрезал сержант и сунул тетрадь в прозрачный пакет-доказательство.

Он завязал пакет, и я перестала видеть слово «Тревожность» на корешке. Зато хорошо видела собственный почерк на открытой странице. Теперь эту страницу будут читать за чужим столом. Сержант даже не спросил, согласна ли я. На ноутбуке можно поменять пароль; эту тетрадь я уже ничем не закрою.

В дверь позвонили. Звук был резким, как удар хлыста.

Это был Марк.

Он вошёл, не дожидаясь приглашения. За ним тащился его адвокат, человек в сером костюме, который двигался тихо, как паук. Марк выглядел безупречно. Идеальная причёска, свежий парфюм, дорогие часы. На фоне хаоса в моей гостиной он казался пришельцем из другого измерения, где всё под контролем.

— Извините за вторжение, офицер, — произнёс Марк мягко, почти ласково. Его глаза скользнули по мне, и я увидела в них не гнев, а жалость. Ту самую, которая ранит сильнее ненависти. — Есть одна просьба. Не трогайте серверную стойку в гостиной. Там лежат рабочие документы компании. Если их изымать сейчас, мы можем потерять доступ к текущим проектам. Клиенты ждут.

Я посмотрела на стойку. Её журналы сохраняли подключения, и там мог остаться адрес, с которого Марк выгружал базу. Он просил не трогать именно её. Если сержант согласится, потом я буду объяснять, почему самые важные данные бесследно исчезли из квартиры под охраной полиции.

— Мы обязаны проверить всё, что связано с подозреваемой, — начал было сержант.

Марк улыбнулся. Достал из кармана флешку. Маленькую, чёрную, блестящую. Протянул её следователю прямо при мне.

— Вот резервная копия переписки Алисы с конкурентами. Полная. Я собирал её полгода, ожидая худшего. Вы можете забрать оригиналы, но эта копия подтвердит ваши подозрения быстрее. Чтобы не тратить время на разбор тысяч файлов.

Марк оставил флешку на столе. Сержант потянулся к ней, и я тоже: надо хотя бы увидеть маркировку. Марк чуть придвинул носитель к нему. Он собирал эту «переписку» полгода, пока я отвечала на его сообщения из соседней комнаты. Хотелось спросить: в те же вечера? Между ужином и просьбой проверить презентацию?

Я посмотрела на флешку, потом на Марка. Внутри всё сжалось от ярости, такой чистой и холодной, что я едва дышала.

— Ты сделал это специально, — прошептала я.

Марк отвёл взгляд.

— Иди сюда, — сказал сержант, указывая на балконную дверь. — Нужно осмотреть периметр. Окна, замки.

Я пошла за ним механически. Ноги не слушались. Балконная дверь была стеклянной, ведущей на маленький открытый участок, где я сушила цветы. Я схватилась за ручку.

Заблокировано.

Красный индикатор на электронном замке горел ровным, зловещим светом. «Доступ запрещён».

— Откройте, — попросила я, стуча кулаком по стеклу. Звук глухой, бесполезный.

Сержант потыкал пальцем в панель управления умного дома, висевшую на стене рядом. Экран моргнул и показал ошибку соединения.

— Система автономная, — буркнул он. — Видимо, удалённая блокировка. Хозяин квартиры мог активировать режим «Партия» или «Отпуск». Или кто-то с правами администратора.

Права администратора. У Марка они были. Он оставался СЕО нашей совместной компании, а также совладельцем дома, который мы проектировали вместе. Каждый датчик, каждый замок, каждая камера были частью единой сети. Сети, которую я строила. Сети, которая теперь держала меня в клетке.

От панельного индикатора к стеклу тянулся красный отблеск. Я знала, где отключается этот замок. Сама выбирала модель, спорила с установщиками. Сейчас за моей спиной стоял сержант; вскрыть панель под его взглядом означало дать ему ещё одну строку для протокола. Я убрала руку.

Вернувшись в гостиную, я увидела у входа в спальню юриста Марка: он копался в ящиках тумбочки. Рядом со мной, на полу, лежали вещи. Одежда, книги, фотографии. Всё было высыпано, как мусор.

— Это личное, — сказала я, опускаясь на колени.

Рука сама потянулась к снимку. Старая фотография. Команда на запуске первого продукта. Мы все смеёмся, уставшие, счастливые. Я в центре, с растрёпанными волосами. Марк рядом, обнимает меня за талию. Это был день, когда я верила, что мы непобедимы.

— Корпоративная собственность, — сухо заметил юрист, выхватывая фото у меня из рук. — Кадр с мероприятия компании. Изъято в качестве вещественного доказательства.

— Нет! — Я схватила его за запястье.

Он дёрнулся. Фотография треснула. Пополам.

Глава 5

Одна половина упала мне на колени. Моё лицо. Моя улыбка. Другая осталась в его пальцах. Лицо Марка. Обнимающая рука.

Мне досталась моя половина снимка. По неровному краю можно было приложить её обратно — это особенно злило. Всё ещё подходила к его половине, хотя целой фотографии уже не существовало.

Юрист небрежно сунул свою половину в конверт, а мою оставил на полу, как объедок.

Я сидела на холодном ламинате, глядя на своё лицо, оторванное от его. Слезы подступили к горлу, но я не плакала. Плакать было бы слишком просто. Слишком человеческое. А я должна была быть машиной. Алгоритмом.

Телефон. Мне нужен был телефон. Единственная ниточка, связывающая меня с внешним миром. Я потянулась к сумочке, лежавшей на столе. Руки дрожали.

На экране высветилось: «Нет подключения к сети».

Звонила Кате. Подруге, которая обещала приехать. Которая говорила, что верит мне.

Ни гудка. Корпоративная SIM-карта была отключена после презентации, а домашнюю сеть Марк закрыл для меня. Я снова пыталась звонить, хотя сама видела: соединения нет. Они отрезали меня от мира цифровыми ножницами.

В этот момент я увидела его. Через окно гостиной, внизу, в тёмном дворе. Фигура в длинном пальто. Илья. Он стоял, засунув руки в карманы, и смотрел вверх. Прямо на моё окно.

Я бросилась к стеклу, прижалась лицом к холоду. Хотела кричать. Хотела махать руками. Хотела, чтобы он увидел, что я жива, что я здесь, что я не сдалась.

Но стекло было тонированным снаружи. Для него я была лишь силуэтом. Тенью за занавесками. Он не видел моих глаз. Не слышал моего крика.

Я махнула Илье. Снова. На улицу из-за тонировки почти ничего не было видно, и он не менял позы. Тогда я упёрлась лбом в стекло. Не кричать же ещё и здесь, чтобы сержант записал «пыталась связаться с сообщником».

Сержант вернулся.

— Содержимое сумочки, — потребовал он, протягивая руку.

Я молча открыла молнию. Внутри остались две вещи: ключ от входной двери (теперь бесполезный кусок металла) и упаковка антидепрессантов. «Золофт». Назначение врача. Доказательство того, что я нестабильна.

Сержант взял упаковку, прочитал название вслух, записал в блокнот.

— Эмоциональная нестабильность подозреваемой, — пробормотал он себе под нос. — Принимает препараты, влияющие на поведение. Возможна имитация или потеря контроля.

Моя медицинская тайна стала пунктом обвинения. То, что помогало мне жить, теперь использовалось против меня, чтобы показать суду и присяжным, что я не могу контролировать свои действия. Что я опасна. Что я лгу.

Полиция начала сворачиваться. Папки закрывались, пакеты с уликами складывались в большие мешки. Сержант бросил последний взгляд на меня.

— Вы свободны... формально. Но выезд из страны ограничен. Не покидайте пределы региона.

Они ушли. Щелчок замка. Тишина.

Марк остался.

Он не ушёл сразу. Адвокат исчез первым, растворившись в тенях лестницы. Марк медленно снял пиджак, повесил его на спинку стула. Расстегнул манжеты. Посмотрел на пустые полки, на рассыпанные вещи, на порванную фотографию у моих ног.

Потом он сел. Прямо на пол. Рядом со мной. Колени коснулись моих.

Я отодвинулась, инстинктивно.

— Не бойся, — сказал он тихо. Голос был низким, бархатным. Тем самым голосом, которым он читал мне сказки на ночь в первый год брака. — Я не причиню тебе боли физически.

— Ты уже это сделал, — прошептала я.

Марк вздохнул. Он закрыл глаза, и на мгновение его лицо исказилось. Не от раскаяния. От усталости.

— Я сделал это не потому, что ты плохая жена, Алиса, — начал он, открывая глаза. В них не было любви. Только холодный, чистый расчёт. — Ты была идеальной женой. Идеальным партнером. Идеальным мозгом.

Он наклонился ближе, понизив голос до интимного шепота, хотя вокруг нас никого не было.

— Но ты слишком умная. Ты бы никогда не согласилась продать компанию за те деньги, которые мне нужны сейчас. Совет директоров хотел сливать проект конкурентам. Я хотел сохранить лицо и получить максимальную выплату. Ты хотела развивать продукт. Конфликт интересов.

Я слушала Марка и разглядывала его расстёгнутую манжету. Ту же рубашку ещё недавно клала к чистым полотенцам. Он объяснял, почему меня надо было убрать, так терпеливо, как раньше объяснял инвестору цену доли. Значит, всё уже посчитано. И даже мне сейчас отводилось время на вопрос.

— Ты предал меня не как женщину, — сказала я, и слова звучали плоско, мертво. — Ты предал меня как функцию. Как код, который можно удалить, если он мешает системе работать.

Марк кивнул.

— Именно. Прости, Алиса. Но это бизнес. Алгоритм предательства всегда точен. Он не оставляет ошибок.

Он встал, отряхнул брюки. Поправил рубашку. Ставил точку.

— Ты останешься здесь. Пока идут судебные тяжбы. Дом твой, но всё внутри — моё. Ничего не трогай. Не пиши. Не звони. Просто жди.

Он направился к двери. Открыл её. Не закрыл. Оставил распахнутой, как символ того, что моя жизнь больше не имеет границ, защиты, приватности.

Шаги стихли в подъезде.

Я осталась одна в опустевшей гостиной. В тишине, которая давила на уши. Я посмотрела на порванную фотографию. На своё лицо, лежащее на полу.

Входная дверь осталась открытой. Я поднялась, чтобы закрыть её, но сначала проверила, не осталось ли за ней чужой обуви. Привычка ждать Марка вечером уже не помогала: теперь я боялась, что он вернётся.

Снова подойдя к окну, я увидела огонёк сигареты внизу. Илья всё ещё был во дворе. Не ушёл даже после полиции. Зачем — я не знала.

Я держала половинку фотографии, пока её край не впился в палец. Достаточно. Марк ждал, что я останусь на полу и буду перебирать своё разорённое прошлое. А мне нужны были журналы доступа, которые он так заботливо уберёг от обыска.

Я подняла голову. Вытерла глаза рукавом. Фотографию положила лицом вверх: пусть лежит, пока я работаю.

Я могла остаться здесь и сломаться. Или найти способ войти в собственную систему.

Ледяной ветер пробирался сквозь дырявый капюшон старой куртки, впиваясь в шею мелкими иголками. Я шла по тротуару у метро «Сколковская», прижимая к груди пустую сумку. После обыска я не могла оставаться дома. В кармане лежали триста рублей на еду; ещё две тысячи я берегла для ночлега.

Дверь супермаркета ударила тёплым воздухом. Я задержалась под обогревателем, будто рассматривала кофе у входа. Внутри спокойно выбирали продукты; женщина рядом поднесла

упаковку к свету и проверила срок. Мне хотелось стоять с ней, обсуждать срок годности, ругаться на цену. На любую ерунду, которая не имела отношения к моему лицу в новостях.

Я подошла к кассе самообслуживания. Пальцы дрожали, когда я доставала товары. Хлеб. Тушёнка. Макароны. Сканирование шло гладко, пока дело не дошло до оплаты. Экран просветился синим светом: «Приложите карту или отсканируйте QR-код».

— Наличными, пожалуйста, — сказала я кассиру, который стоял рядом, проверяя чистоту ленты.

Он посмотрел на меня сверху вниз. Его взгляд задержался на моей куртке, потом скользнул к лицу. Секунда тишины показалась вечностью.

— У нас безнал, девушка, — ответил он сухо, даже не глядя мне в глаза. — Эта касса не принимает наличные. Вон та — принимает, только она сейчас закрыта.

— Это всего двести восемьдесят рублей, — возразила я, чувствуя, как кровь приливает к щекам. От стыда горели уши.

Кассир нахмурился. Он заметил моё напряжение, мои дрожащие руки.

— Если у вас нет телефона или карты, обратитесь к администратору, — сказал он, указывая подбородком в сторону служебного входа.

Я убрала сумку с края кассы. Продукты остались на ленте. До администратора было несколько шагов, но я уже представила, как он подходит, узнаёт меня и начинает задавать вопросы. Лучше выйду сама. Снаружи согнулась от спазма в животе и подождала, пока он отпустит. За стеклом кассир собирал мои продукты обратно.

Нужны были деньги. Живые, реальные, не отслеживаемые цифрой. Но где их взять?

Мой мозг лихорадочно перебирал варианты, пока ноги сами вели к ближайшему банкомату у входа в торговый центр. Экран банкомата отражал моё бледное лицо. В кармане куртки лежала старая банковская карта на моё имя, которую я раньше оставляла у Лены, а забрала ещё до презентации. Теперь подруга перестала отвечать на сообщения. Я знала, что она злая. Знала, что она поверила новостям о том, что я продала код конкурентам. Но в тот момент, когда я увидела своё имя на пластике, надежда вспыхнула тусклой искрой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.